

Валерия Гуляева

ПОЖИРАТЕЛИ

Валерия Гуляева

Пожиратели

«Издательские решения»

Гуляева В. И.

Пожиратели / В. И. Гуляева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830810-9

Наши дни. Город-миллионник накрывает душное лето. Пока жители города изнывают от жары, майор полиции Коренев расследует ряд странных смертей. Все погибшие давно не молоды, и смерти от сердечных приступов выглядят вполне правдоподобно. Пока на очередном месте происшествия полицейский не задерживает девушку, одетую не по сезону. Тем временем смерти стариков в городе принимают характер эпидемии. Майору Кореневу предстоит связать эти события воедино и лицом к лицу столкнуться со страшным врагом.

ISBN 978-5-44-830810-9

© Гуляева В. И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1	8
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Пожиратели

Валерия Игоревна Гуляева

© Валерия Игоревна Гуляева, 2016

© Sent-Lucas, дизайн обложки, 2016

Корректор Екатерина Замошная

ISBN 978-5-4483-0810-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– О, великий Молох, бог-покровитель сынов своих! Спаси-сохрани в сей час для нас тяжкий и да пребудет сила твоя и воля с нами, и через мои уста я донесу её до ушей всех неверных и необращённых! И да прими жертву сию во имя спасения нашего и пусть крики её принесут нам благо и всепрощение!

Гул вокруг Мокхопа нарастал, голоса сливались в один непрекращающийся стон, заглушая истошные вопли бьющейся в истерике женщины, которая пыталась вырваться из рук двух державших её воинов:

– Мокхо-оп! О великий! Прошу тебя! Мокхоп! – в какой-то момент ей всё же удалось высвободиться и она кинулась к алтарю, падая в ноги заклинателю и жрецу. – О, милостивый, молю тебя! Верую и правдою заклинаю! Они обещали сохранить жизни нашим детям! Они обещали! Молю тебя, верни мне дитя! Они обещали! – грудь женщины тяжело вздымалась и опадала, она дрожала всем телом, содрогаясь от рыданий, лицо её стало багровым, сил кричать уже не осталось, но она продолжала цепляться за его черную мантию, обессиленная и измождённая.

Жрец посмотрел на неё свысока, а после распахнул полы мантии и поднял вверх ребенка:

– Вот оно – дитя жертвенное! – толпа возликовала. – Дитя, которое принесет нам спасение!

– Не-е-ет! – женщину уже тащили за волосы прочь из зала, а жрец повернулся к алтарю.

– Возлагаю сие дитя в руки твои! Даруй нам жизнь взамен его жизни! – Мокхоп возложил ребенка в руки статуи с бычьей головой и поднес факел к каменной вазе. – И да пребудет с тобой сила огня всеочищающая! – и зажёл масло под каменными руками бога-покровителя.

Толпа завизжала, зарычала, всё сильнее гремели барабаны, заглушая плач и крики корчащегося, медленно жарящегося в руках статуи, младенца.

Женщины стали срывать с себя одежды и раздирать ногтями грудь, завывая и глядя невидящими глазами на горящую жертву во имя их жизни. Мужчины вонзали друг в друга копьё снова и снова, заливая каменный пол залы кровью.

– Да, дети мои! Это жертва во имя жизни! Во имя Бога нашего – Молоха! Во имя власти его на земле при нас и после нас! – жрец вновь повернулся к статуе и воззвал к покровителю. – Да пребудет царствие твоё и твоих детей на земле проклятой! И да пребудет жизнь твоя вечная в телах наших мёртвых! И каждый, кто ступит на землю твою – да будет проклят!

– Да будет проклят! – хор истязавших себя вторил каждому слову жреца.

– И каждый, кто посмеет усомниться в вере твоей – да будет проклят!

– Проклят! – ревела беснующаяся толпа хором.

– И каждый, кто посмеет тронуть детей твоих – да будет проклят! Восстань же из огня и пепла и да свершится воля твоя!

– Заткнись, старик! – Мокхоп рухнул на пол, сбитый с ног ударом копьё в спину, но не прекратил выкрикивать проклятия. – Город теперь наш, – прошипел нападавший, – слишком долго ты морочил голову нашему царю... – и тут же отпрянул.

Жрец смеялся. Он хохотал во всю глотку:

– И обретет наш бог жизнь! – Мокхоп поднял руки, пытаясь схватиться за каменную вазу со все ещё недогоревшими останками ребенка, которые обугленными кусками теперь свисали с простёртых к толпе рук бога-демона.

– Твой бог?! Еретик! Ты сгоришь в аду, еретик! – воин испуганно продолжал отступать.

– И обретут дети твои... жизнь! – прорычал жрец последние слова и пал замертво.

Огонь под руками статуи взмыл под сводчатый потолок жертвенного зала, опадая жгучим водопадом на пол пещеры. Пламя объяло лежавшие вповалку тела. Женщины всё ещё

продолжали стонать. Не сумевшие вырвать из груди свои сердца, они теперь тянулись к огню, заливаясь безумным хохотом, желая почить в языках бушующего пламени, безжалостно пожирающего человеческую плоть.

Воины выбегали из храма в скале один за другим и, корчась от боли и теряя рассудок, неслись вперед не разбирая дороги, выцарапывая себе глаза. А тем временем земля у храма стала покрываться глубокими, стремительно расходящимися во все стороны, трещинами. Словно что-то иссушало почву, убивая всё, что на ней произрастало, обращая завоевателей в бегство, но неизменно настигая их у самого выхода из города. Воины сходили с ума, глядя в пустоту. Они не реагировали на приказы. Страх обуял их и гнал прочь – прочь из проклятого города, прочь с проклятой земли, которая способна была убить пустотой, являющейся настигнутому самым страшным кошмаром.

После того, как крики стихли, и над городом повисла мёртвая тишина, многие дни никто не осмеливался ступить за ворота проклятого города. Тела погибших оставались лежать там, где упали, в неестественных позах, с открытыми глазами. Ни один из коренных жителей так и не вышел из святилища в скале, лишь одна женщина, крики которой не смолкали долгое время, ходила кругами рядом с зияющим чернотой проёмом в скале. Невоспешные в город отряды захватчиков наблюдали за ней издали, смотрели, как она роет окаменевшую землю, стирая руки в кровь, как мечется у самого входа в жертвенную пещеру, как падает ниц с мольбами и причитаниями. На третий день несчастная затихла, так и не осмелившись войти в пещеру. С того дня ни единого звука больше не доносилось из города.

Немногим позже народ захватчиков решил выстроить на подступах к проклятой земле стену, запечатывающую город и преграждающую вход любому, кто вознамерится раскрыть его тайну. Хотя после первых нескольких метров выстроенной стены людьми стали двигать иные намерения. Они прятали не город от людей, а людей от города. Племя захватчиков верило, что способно запечатать неведомое зло за высокой стеной и оно издохнет, словно голодный зверь. Дни и ночи напролёт, пока кипела работа, горели шаманские костры, джунгли пели, стонали, мычали камланиями и песнопениями, дикие пляски длинными тенями вышагивали по непролазным лесам, загоня зло в свою берлогу и запечатывая его на многие века. Не многие желающие стремились посетить проклятые земли, а тех, кто осмеливался, больше никогда не видели в мире живых.

Ни один зверь не подходил к каменному заслону, ни одна птица не пролетала над мёртвой землей, ни одно растение не подступало близко к городу некроманта. Так шли месяцы, годы, столетия. И тогда о городе забыли. Подступы к стенам заросли буйными травами, дикие звери заполонили леса вокруг, и мёртвый город канул в лету. Он просто исчез, не оставив после себя ни единого упоминания. Он затерялся во времени, запечатанный и пожирающий себя самого, словно дикие амазонские джунгли, пожирающие всякого, кто пытается проникнуть в их мрачные тайны.

1

– Ну, что у тебя, Шульгин? – майор полиции показал значок патрульному у желтой ленты и поспешил к стоящему у входа в подъезд напарнику.

– Труп. Мужчина. Предположительно 60 – 65 лет. Соседи плохо его знали, он редко выходил из квартиры, пенсию не получал. Продукты ему кто-то приносил, соседи по лестничной клетке – две молодые пары, поэтому привычки следить за стариком у них не было. Раньше жил здесь с внучкой, но та съехала лет десять назад и с тех пор её тоже никто не видел. Черт, многое повидал, но такое – впервые.

– Мать честная... – Коренев зажал нос и рот платком. – Врачи уже видели тело?

– Нет, но я позвонил... – Шульгин закашлялся, сиюсь подавить приступ тошноты.

Труп мужчины представлял собой плачевное зрелище. Судя по всему, он умер от сердечного приступа. Рядом на полу валялся пульт от телевизора.

– Да откуда же тут столько мух! – Шульгин выскочил из квартиры, в дверях сбив с ног маленького шуплого очкарика с чемоданчиком.

– Та-а-ак, кто тут у нас? – паренёк пристроился рядом с креслом, надев респиратор и протянув такой же Кореневу. – Судя по состоянию тела, он мертв уже около двух недель...

– Но так быстро сгнить? – полицейский поморщился, наблюдая за тем, как судмедэксперт берёт образцы тканей.

– Его сожрали мухи. Если бы не открытое окно, их тут было бы миллиона два – не меньше, и от запаха вы не смогли бы пройти даже за порог. Виновата жара, отчасти. При таких обстоятельствах я не могу определить точное время и причину смерти. Его нужно доставить в морг, и как можно скорее.

– Избавьте меня от этих подробностей, – Коренев поспешил на улицу.

– Думаю, дело можно закрывать, – майор Коренев тронул напарника за плечо и тот посмотрел на него мутным взглядом, – Шульгину явно было плохо. – Пойдём, я провожу тебя к машине скорой помощи, – полицейский поддержал напарника под руку. – Пожилой мужчина, родственников нет, жил один, из дома практически не выходил, умер от инсульта за просмотром телевизора. Соседи вызвали полицию только когда почувствовали странный запах, идущий из квартиры. Напишешь рапорт и ко мне, как придешь в себя, понял? – Коренев дождался кивка и поспешил к патрульной машине. – Да, майор Коренев на связи. Что? Еще труп? Не многовато ли трупов для одного дня?

– Что у вас? – полицейский поднялся по лестнице на пятый этаж панельной многоэтажки, от чего порядком взмок, и привалился к косяку обшарпанной деревянной двери, обитой снаружи искусственной кожей, – что-то я подустал. Чертова жара меня доконает...

– Майор, вам лучше пройти сюда, тут... тут это... – из дальней комнаты выглянул полицейский, зажимающий нос и рот скомканным кухонным полотенцем, которое, видимо, нашел тут же в квартире.

– Жуть какая...

На полу комнаты, которая одновременно служила и спальней и гостиной, лежал труп женщины. Она уже успела окоченеть. Руки застыли в странном жесте – словно жертва пыталась от кого-то защититься. Лицо искажено неестественной гримасой – рот был открыт так, что выскочила челюсть, а глаза едва не вываливались из орбит.

– И чего же можно было так испугаться? – Коренев присвистнул. – Скорее всего, тоже сердечный приступ?

- Тоже? – второй полицейский недоумевающе посмотрел на старшего по званию.
- Да, утром был труп. Мужчина, умер в кресле.
- Тоже от испуга?

– Нет, – Корнев посторонился, пропуская в комнату медиков и криминалистов, – хотя, черт его знает. Пошли-ка на улицу, только мешаемся.

На улице полицейские сели в патрульную машину и включили кондиционер. Лето выдалось на удивление жарким, хотя, если подумать, оно ни чем не отличалось от прошлого, и от позапрошлого, если очень хорошо подумать. Давно не было дождя и над улицами стояло море жара, идущего от асфальта. В пробках то и дело кто-нибудь вскрикивал или причитал – люди погибали от тепловых ударов, от сердечных приступов. Машины скорой помощи уже просто дежурили в пробках – так удавалось спасти немало пострадавших.

Вот и для майора полиции, Александра Корнева, лето началось ужасно. Прошло всего две недели, а он успел побывать уже на семи местах преступлений, и каждая из смертей объяснялась сердечным приступом. И у каждого из пострадавших, которых еще не совсем дожрали мухи и гниль, на лице застывала гримаса ужаса. Но, кроме того, что все умершие были людьми за пятьдесят и жили одиноко, связи между жертвами не было.

Он тоже жил один. Валя бросила его почти два года назад и с тех пор он так и не смог начать с кем-то встречаться снова. Наверное, он всё ещё её любил, хотя и старался убедить себя в обратном.

Валентина иногда звонила, иногда заходила, чтобы приготовить еду и немного прибраться, но в последние полгода эти визиты становились всё реже. Она ничего не говорила, но Корнев видел, что она устала. Устала от того, что он постоянно на работе, устала от неопределенности, устала с ним нянчиться, в конце концов.

Последний раз она звонила две недели назад, а не приходила, наверное, уже почти месяц.

Покинув место преступления, полицейский направился домой. Мужчина вошел в квартиру ближе к десяти вечера, осмотрел свою кухню: гора пустых коробок из кафе быстрого питания, какие-то пакеты, с полтора десятка пустых банок из-под пива. Взгляд на мгновение задержался на переполненном мусорном ведре и скользнул дальше.

В гостиной его снова ждал компьютер с последними делами и еще одна бутылка пива. И еще одна бессонная ночь...

- Инна, принеси, пожалуйста, еще кофе. Большую чашку, – Корнев потер глаза.
- Что, опять всю ночь просидел за этими делами? – напарник вошел в кабинет, неся стопку распечаток с ориентировками.
- Сегодня не было сообщений?
- Пока нет.
- Лучше бы так и было. У нас и так уже дюжина «висяков».
- Патологоанатомы же сказали, что это сердечные приступы. Фабрикуем и закрываем.
- Самойлов, знаешь, я не очень уверен, что это просто сердечные приступы. Трое из жертв умерли совсем недавно и, судя по выражению их лиц, о причине смерти можно ещё поспорить.
- Что ты хочешь сказать? – Самойлов присел на краешек стола и отхлебнул из кружки, которая стояла на столе у его компьютера, и поморщился. – Остыл, чёрт...
- Я понимаю, что у стариков бывают галлюцинации, срывы, бред, но что же должно твориться в мозгу, чтобы от испуга челюсти выскакивали?
- Ой, да брось! Сейчас чего только по телевизору не крутят, а много ли старикам нужно?
- Самойлов, ты издеваешься?
- Ну, что сразу Самойлов-Самойлов, – лейтенант обиженно скривился и сел за стол, – но план ведь нужно сдать. Да и как ты объяснишь начальству, что не закрыл дело только

потому, что тебе показалось, будто они перепуганы. Да и даже учитывая твои догадки, они умерли от сердечных приступов, пусть и спровоцированных испугом.

Коренев еще немного посидел и поднял глаза на напарника:

– Ладно, закрывайте. Но что-то не вяжется. Я это чувствую.

– Кто бы сомневался! – Сергей развел руками. – Кстати, как там Шульгин?

– Не сказал бы, что очень хорошо.

– А я говорил, что не стоило его посылать по тому адресу.

Через несколько минут к майору в кабинет уже спешило несколько сотрудников с вестью о новых телефонных звонках.

– Так, Лёвченко и Мартынов – вы на Красноармейцев, Селиванов и Каничев – на Московскую, Самойлов – ты со мной. Этот адрес, – Коренев сверился со списком, – к майору Варягину – это его участок. Боже, как же я устал, кто бы знал... – последнюю фразу полицейский произнёс себе под нос.

Когда полицейские прибыли на место, криминалисты и медики уже были там.

– Что тут? – на этот раз разговорами занимался Самойлов, а майор стоял в стороне, озираясь по сторонам. Но через мгновение он сорвался с места и куда-то побежал.

– Эй! Коренев! Ты куда? Тут двое!

– Там свидетель! За углом!

– Стой тут! Начальник, погоди! – Самойлов ткнул допросником в грудь одного из врачей и кинулся бежать за старшим по званию.

– Завернула за угол! Я видел! – напарник не видел, за кем несётся Коренев, сбивая с ног прохожих, которые уже успели образовать немалую толпу вокруг оградительной ленты.

– Да за кем ты бежишь?! Я никого не вижу! – Самойлов уже порядком запыхался – лишний вес давал о себе знать, но парень старался не терять из виду майора.

– Вон она! В синей куртке! Стой! Я хочу поговорить!

– В куртке?! Ты с ума сошел?! Да кто ж в такую жару... – и тут Сергей споткнулся, – чёрт! Я догоню! – но так и не смог удержать равновесие и плашмя полетел на асфальт.

К тому моменту, как Самойлов смог подняться и отдышаться, майор уже пропал из виду, но его оказалось не трудно отыскать по крикам возмущавшейся толпы.

Худенькая девушка в синей куртке и джинсах лежала лицом вниз, а Коренев пытался объяснить прохожим, что он полицейский. Кто-то из парней попытался оттащить его – видимо, хотел погеройствовать, но ему в лицо не совсем учтиво было сунуто удостоверение майора полиции, которое Коренев наконец-то смог выудить из нагрудного кармана рубашки, и толпа тут же успокоилась и как-то слишком быстро разбрелась.

– Ты чего побежала, дурёха? Я же только поговорить! – Коренев уперся руками в колени, пытаясь восстановить дыхание. – Серёг, давай её в участок, а я – обратно. Вернусь – поговорим.

Девушка попыталась было возразить, но Самойлов незаметно надавил, где нужно, и она замолчала.

Майор вернулся с места преступления намного позже, чем ожидал. На этот раз убийство было совершено совсем недавно – пару часов, не больше. Трупные пятна только-только стали проступать.

– И та-а-ак, – Коренев вздохнул и присел рядом с трупом пожилой женщины, которая сидела, вцепившись посиневшими пальцами в ручку от пластиковой швабры. – Убитая – женщина 45—50 лет, видимых повреждений на теле нет...

– Убитая? – один из офицеров, находившихся в комнате, перебил Коренева, но тот лишь посмотрел на него и продолжил запись наблюдений на карманный диктофон.

В участок полицейский вернулся около восьми вечера. Задержанная всё еще ожидала в допросной. Коренев жутко устал за день, но беглянка могла сказать что-то важное.

– Меня в чем-то обвиняют? Я задержана? Меня посадят? – девушка встретила Коренева кучей вопросов, но наткнувшись на его усталый взгляд, замолкла.

– Нет, ты не арестована, – майор опустил на стул с противоположной стороны стола. – Слушай, у меня сегодня был жутко тяжелый день и я слишком устал для игр. Давай просто поговорим и ты пойдешь домой, хорошо? Меня, кстати, Александр зовут. А тебя?

Девушка некоторое время молчала, потом ссутулилась и слабо проговорила:

– Полина.

– Почему ты побежала, Полина? – полицейский достал диктофон и снова включил запись, поймав на себе недоверчивый взгляд, пояснил – это просто формальность. И, ко всему, я слишком устал, чтобы запомнить то, что ты будешь говорить.

– Я шла к своим старикам...

– Старикам?

– Ну, да. Ну, в общем, программа у нас такая – помощь пенсионерам и всё такое.

– А побежала почему?

– Я не знаю. Потому что вы побежали.

– Посмотри, это они? – Коренев достал из кармана брюк сложенную фотографию и протянул её девушке.

– Да. Валентина Петровна и Александр Иванович. Старушка – просто добрейшей души человек, а вот дедушка постоянно брюзжит.

– Не ходи туда больше.

У Полины сначала вытянулось лицо, а потом она привстала:

– Вы... они... это они там... из-за них? А что случилось?

– Это я и пытаюсь выяснить. Что ж, Поль, ты можешь идти домой. Кстати, можно немного личный вопрос? – Майор выключил диктофон. – Почему ты так одета?

– Я... я болею, – Полина всхлипнула, – что-то подхватило после поездки в Перу, с тех пор никак не согреюсь. И врачи ничего не говорят. Не...

– Перу? – Коренев поднял бровь.

– Д-да. Мы отдыхали с друзьями. На новый год. Даже задержались немного, вместо двух недель пробыли три.

– Хм, – полицейский откинулся на спинку стула и потер лицо ладонями. Ладно, Полин, ты можешь идти. Нет, давай лучше я закажу тебе такси. Где ты живёшь?

– В общежитии при институте, хотя я и на заочном, но...

– И пошлю с тобой патрульного, чтобы тебя не оставили топтаться на пороге.

Коренев дождался молчаливого кивка и они вместе вышли из допросной.

Домой полицейский добирался на автопилоте. Спать хотелось жутко, поэтому он решил взять отгул. Диктофон он забыл на рабочем столе в участке и предупредил напарника, что тот отвечает за него головой:

– Там несколько записей с мест преступлений и беседа со студенткой.

– Да там же практически ничего нет. Слышал я вашу беседу, – Самойлов недовольно поворчал для вида, но спрятал диктофон в сейф в кабинете.

– Я прослушаю её, когда вернусь, понял?

– Да понял, понял я. Буду держать тебя в курсе.

– Нет, не нужно, – Коренев зевнул, – я хочу отдохнуть. Действительно отдохнуть, а не как обычно...

Марина вернулась домой позже обычного, поэтому сиделку – молодую девушку, студентку-заочницу, которая была не прочь подзаработать, пришлось отпускать по телефону.

– Бабуль, как ты сегодня? – девушка погладила закутанную в плед пожилую женщину, но та никак не отреагировала, лишь молча продолжила смотреть в потолок. – Хорошо, если что – вот колокольчик, – и Марина вложила в руку женщины звенящую игрушку, – зови, если что-то будет нужно.

Девушка устало побрела на кухню: стоило заварить кофе, тяжелый день давал о себе знать. Завтра с утра снова придёт врач, снова будет проводить тесты, чтобы снова ничего не сказать.

Антонина Ивановна – семидесятилетняя жизнерадостная старушка, довольно неплохо чувствующая себя для своих лет. Всегда улыбчивая и приветливая. Но около двух недель назад с ней стали происходить странные вещи. Поначалу это были мелочи: её стали раздражать поставленные не туда чашки, не повернутый в раковину кран, а то и вовсе причиной нервного потрясения мог стать не тот цвет носков. Потом стало хуже – бабушка стала угрюмой, постоянно огрызалась на Марину, а позже и вовсе перестала разговаривать. По ночам её стали мучить кошмары. Антонина Ивановна просыпалась в холодном поту и что-то бормотала, испуганно оглядываясь по сторонам. На расспросы внучки женщина отвечала одинаково – списывала всё на старость. Но четыре дня назад она слегла. Марина просто встала утром и увидела бабушку неподвижно лежащей в постели, закутавшуюся в тёплый плед и бездумно смотрящую в потолок. Тревожить её внучка не стала и со спокойной душой ушла на работу, но уже в обед ей позвонила сиделка и сказала, что Антонина Ивановна отказывается от еды и она не знает, что делать. Видимых причин такого состояния врачи не назвали, но обещали заехать через пару дней – сказали, что случай не совсем необычный но, как оказалось, не первый.

От горячей чашки кофе Марину оторвал слабый звон колокольчика из соседней комнаты и она сразу кинулась туда – бабушка давно ничего не просила.

– Бабуль, что случилось, что-то нужно? – внучка присела на кровать.

Женщина медленно перевела взгляд на девушку и шепотом произнесла:

– Ты не должна сегодня ночевать тут... они могут тебя увидеть. Они видят тебя...

– Кто, бабушка, кто видит?

– Уходи, сегодня ты не должна ночевать здесь... – шершавые губы женщины сомкнулись, превратившись в практически бесцветную полоску на бледном лице, и она вернулась к созерцанию потолка.

– Бабушка? Ба?

Марина ещё некоторое время держала женщину за руку, но та больше не произнесла ни слова. Голова была тяжелой. Стоило лечь спать и она ушла в другую комнату.

Часы показывали два часа ночи, когда Марина внезапно открыла глаза. Её что-то разбудило, спросонья она всё никак не могла понять, что именно. Спустя несколько минут до неё дошло – в соседней комнате звенел колокольчик.

– Бабушка?! – девушка подскочила и кинулась в соседнюю комнату.

Дверь в спальню распахнулась, на автомате рука потянулась к выключателю и Марина отпрянула назад.

Женщина билась в тихой истерике. Она уже не лежала в постели – она сидела у шкафа и мотала головой из стороны в сторону, что-то бормоча себе под нос, при этом не отрывая взгляда от потолка.

– Ба! Вставай!

– Уйди, дура! – необычайно грубо отмахнулась та и с силой толкнула внучку в грудь. – Нет! Нет! Уйди! – Антонина Ивановна стала отмахиваться от кого-то, её глаза налились кровью и она начала кричать.

– Бабушка! – Марина сидела на полу, прижав руки ко рту, и не могла больше вымолвить ни слова.

Лицо женщины поплыло, челюсть стремительно поползла вниз, раскрывая рот всё шире и шире. Выпученные и багровые от лопающихся капилляров глаза превратили бьющуюся в истерике женщину в безумную старуху. Она в последний раз закричала, а потом стала задыхаться, всё ещё не сводя взгляда с потолочной люстры. Через несколько секунд Антонина Ивановна замерла с поднятыми руками с застывшей на лице маской кошмара.

Девушка просидела на полу еще около получаса, а потом медленно поползла в сторону входной двери. Её, скулящую и скребущуюся в двери лифта, нашла соседка по лестничной клетке. Она-то и вызвала скорую, а позже и полицию, как только увидела распахнутую настежь дверь квартиры Антонины Ивановны.

Звонок телефона вырвал Коренева из тяжелого беспокойного сна. Голова гудела и он, не открывая глаз, нащупал телефон на прикроватной тумбочке:

– Да, алло... ты в курсе, который час?.. какое дело?.. Диктуй адрес... буду через час...

Коренев поднялся с постели. Часы показывали половину четвёртого утра. На улице уже светало.

Предрассветные часы были самым приятным временем: жара только спадала и еще не успевала собраться с новыми силами и легкая прохлада освежала мысли и тело. Но легче майору от этого не становилось. Коренев проспал около четырнадцати часов, но так и не почувствовал себя отдохнувшим.

– Возможно, ты слишком много спал, мало ел и просто дочерта работал. Тебе нужен отпуск, – мужчина приподнял футболку к лицу и поморщился, – и душ...

Через полчаса он более-менее проснулся и вызвал такси. Было лень ехать на служебной машине, да и не хотелось лишний раз загружать голову маршрутами.

– Она там, – Самойлов указал рукой в сторону машины скорой помощи, – внучка погибшей. Еще нужно будет вызвать в участок сиделку. Вот, держи, – напарник протянул майору папку с допросным листом, – тут есть кое-что. Надеюсь, она уже успела немного успокоиться.

Двор к приезду Коренева успели оцепить и вокруг, несмотря на столь ранние часы, собралась толпа зевак. Туда-сюда сновали полицейские, пытающиеся остановить и успокоить живущих в доме.

– Да откуда же вас столько в пять утра-то! – сетовал патрульный – видимо, новичок.

– Уж больно молод, – отметил Коренев, не отрываясь от записей Самойлова. – Марина Варлеева, двадцать четыре года, уроженка города Волгограда. Родители погибли... осталась одна бабушка, проживающая в этом городе... – он поднял глаза от папки и увидел на себе пристальный взгляд девушки, сидящей на кушетке скорой. – Здравствуйте, Марина. Простите, что так неучтиво и...

– Я понимаю. Это ваша работа, – она вытерла лицо дрожащей рукой.

– Расскажите, что произошло. И почему вы вызвали полицию?

– Я... я не знаю... это не я вовсе... это... – девушка скривилась, глаза её мгновенно наполнились слезами, но она так же быстро совладала с собой и продолжила дрожащим голосом, – моя... моя соседка, тетя Варя... простите... – она вытерла лицо лежавшим рядом одеялом, – Варвара Ильинична. Мне сказали, она нашла меня у лифта, но я не помню... – она снова всхлипнула, – всё так быстро произошло. И так странно. Я знаю, что, – Марина махнула рукой куда-то в сторону дома, – что, ей уже не помогут, но она кричала что-то совсем бессвязное, она от кого-то защищалась. Что это было? Объясните мне! – Марина была близка к истерике, её лицо покраснело и исказилось.

– Кому не помогут, Марина?

- Как кому? – девушка мгновенно притихла и ошалело уставилась на полицейского.
- Вы сказали, что ей уже не помогут. Кому не помогут?
- М... моей бабушке... она так кричала...

Он вспомнил, как они ссорились с Валентиной в последний раз. Она так же кричала, так же пыталась не расплакаться, но у неё это плохо выходило.

– Эй, Саня, – прошептал подошедший Сергей и ткнул стоящего истуканом Коренева в спину, потом заговорил с девушкой:

– Вы простите нас, у нас очень много работы. И любые сведения по этому делу могут быть очень важны. Если вы что-то вспомните, – он протянул девушке визитку, – прошу, позвоните, пожалуйста.

С этими словами он захлопнул дверь машины и махнул водителю:

- Увози! Я позвоню!
- Я вспомнил Валю.
- Ты же должен понимать, что сейчас не время. Я узнал номер студентки, которая приглядывала за умершей. Чуть попозже вызовем в участок. Ты со мной поедешь?
- Да, да, конечно. Нужно её допросить. Только поднимусь в квартиру и сразу же поедем. Медики уже были там?
- Да. Ничего нового не сказали. Сердечный приступ.
- Да что же такое происходит в этом городе...
- У пожилых людей часто случаются сердечные приступы. У мужчин, правда, чаще, но...
- Самойлов, на статистику потянуло? У тебя работы мало?
- Да ладно-ладно, начальник. Чего ты начинаешь? – с этими словами полицейский направился к патрульной машине.

Действительно, ничего нового Коренев в квартире не увидел. Разве что на этот раз гримаса старушки была намного ужаснее той, которую он видел на прошлой неделе.

- Что же вас так напугало? – Александр присел рядом с телом.
- Галлюцинации.
- Что, простите? – майор обернулся на голос.
- Галлюцинации. Она пожилая, принимала кучу таблеток. Как я понял со слов внучки, в последние две недели у погибшей слишком изменилось поведение, а под конец женщина даже сказала о том, будто её кто-то преследует. Это паранойя. У пожилых людей такое случается.
- То есть вы хотите сказать, что она умерла от сердечного приступа после того, как увидела что-то, что сама же и выдумала?

Медик пожал плечами:

- И такое возможно.
- Сойти с ума за две недели...
- Можно сойти с ума за ночь.

Уже в участке Кореневу доложили, что девушка-сиделка прибудет в участок после полудня. Было время, чтобы немного отвлечься, хотя на отдых рассчитывать не приходилось. Уже на пути к кабинету ему сунули в руки несколько отчетов судмедэкспертизы, которые он запросил накануне выходного и, как нельзя кстати, чашку кофе. Запах напитка немного приподнял майору настроение.

– Самойлов, погоди! Сергей! – Коренев догнал напарника в коридоре. – Я получил данные по прошлым убийствам, думаю, мне понадобится помощь.

Девушка приехала вовремя. Кореневу сообщили по телефону и он сразу направился в допросную.

– Я поговорю, – полицейский отстранил от двери майора соседнего участка, который собирался войти, – это моё дело. Тот лишь кивнул в ответ и пошел по своим делам. Видимо, не особо-то и хотел ввязываться.

– Здравствуйте. Я – майор полиции Александр Коренев. Мне сказали, что вы присматривали за Антониной Ивановной Варлеевой, – полицейский сверился с делом, которое принёс с собой.

– Да. Меня наняли месяц назад.

– Как вас зовут? – Коренев достал свой диктофон, – это просто формальность, не обращайтесь внимания.

Девушка кивнула:

– Соня Иваниченко. Приехала сюда учиться.

– Где вы познакомились с Мариной Варлеевой, внучкой своей подопечной?

– С Мариной мы познакомились в кафе, разговорились. Она была в таком подавленном состоянии, а я прослушиваю курс психологии в институте и решила, что смогу ей помочь, вот и подседа. Амбиции и всё такое, – Соня ухмыльнулась, – выяснилось, что мы обе можем друг другу помочь.

– Какого рода помощь она вам предложила?

– В ходе разговора выяснилось, что она ищет сиделку для своей бабушки, а я участвую в программе помощи пожилым людям и могла бы присмотреть за её бабушкой, бесплатно, естественно. Но она решила оплачивать мои услуги, чисто символически, но и это мне очень помогало.

Коренев слушал Соню молча, но когда она упомянула о программе – насторожился:

– Расскажите мне об этой программе, Соня?

– Ничего особенного, – девушка пожалала плечами, – вообще, практика – это неотъемлемая часть обучения, но у нас был выбор – либо роддом, либо морг, либо участие в программе. Лично я посчитала, что легче присмотреть за пожилой парой, чем выносить судна за роженицами или помогать перекидывать с кушетки на кушетку трупы, – Соня поёжилась и сильнее запахла на груди тёплую кофту.

– И сколько вас в группе?

– Человек 20, может 30, – Соня пожалала плечами, – мы же заочники, записывались на практику врозь, да и ходим отчитываться, когда кто может.

– И последний вопрос: ты никуда не ездила отдыхать в недавнее время?

– Ммм... да нет. Только на новый год. Мы собирались едва ли не всем потоком, но поехало намного меньше.

– И куда вы ездили?

– В Перу, а почему вы спрашиваете?

– И с самого возвращения ты болеешь, так?

– Ну, да, а откуда вы... – брови Сони поползли вверх от удивления.

– Вопросов больше нет. Ты можешь идти. Выведите её, – бросил Коренев офицеру на выходе и поспешил к Самойлову.

– Слушай, Сергей, я хочу, чтобы ты проверил кое-что. Узнай мне имена всех студентов, участвующих в программе помощи пожилым людям. Найди мне Полину – это та, которая от нас пыталась убежать и приставь кого-нибудь к Соне.

– Соня?

– Девушка, которую я только что допрашивал.

– А зачем ты её отпустил? – Сергей недоумевающе смотрел на Коренева.

– Я просто хочу за ней проследить. Нужно было повесить на неё убийство старушки?

– К чему всё это? Я не понимаю. Старики умирают каждый день. У нас и до этого были такие вызовы. Сердечные приступы – дело обыденное. Я читал те отчеты, по последним делам. В крови большинства найдены сильные сердечные лекарства. Соседи жаловались на странное поведение, но не более. Да, ко всему, их могла просто доконать жара.

– За последние две недели у нас уже есть 12 вызовов. Ты хочешь сказать, что это просто совпадение?

– Это вовсе не означает, что они умерли именно в эти две недели. Самая первая смерть по этим вызовам произошла больше шести недель назад, судя по данным экспертизы, – попытался парировать Самойлов.

– Да ты сам-то хоть веришь в то, что говоришь? А что, если завтра это будет твоя мать? А она у тебя не очень хороша сейчас, насколько я в курсе!

– Э, начальник, ты за буйки-то не заплывай!

– Ты Варлееву-младшую видел? Ты ей в глаза смотрел? Она явно что-то видела, явно что-то такое, что даже забыть успела!

– О-о-о, вот только давай не начинай! Ты вечно из-за баб впрягаешься во всякие авантюры! Вспомнить хотя бы Валиного брата! А?!

– Не трогай Валентину, – Коренев подскочил к Самойлову и схватил его за грудки, – и рот даже в её сторону не открывай. Я тут старший и ты будешь делать то, что я тебе прикажу. Ты понял? – полицейский перешёл на полусёпот и посмотрел прямо в глаза напарнику.

Тот лишь молча сопел, но возражать не решался.

Дальше дело пошло быстрее: уже к вечеру у Коренева на столе лежал список из двадцати четырёх имен. Адреса, телефоны – всё что нужно. За Иваниченко тенью ходил один из новеньких, каждый час докладывая о её передвижениях. Доброволец, кстати сказать. Видимо, прохладиться по кафешкам, следя за симпатичной девушкой, было куда приятнее, чем сидеть в душном кабинете. Хотя тут Коренев мог поспорить – в кабинете хотя бы был кондиционер. Снаружи же даже асфальт проседал под колёсами автомобилей, образуя своеобразные колеи по всей длине автострад. Хотя, в основном, днем на улицах было пусто, жизнь текла вяло. Люди старались не высовываться на солнцепёк, а если и высовывались, то поскорее прятались под ближайший навес, а то и вовсе высовывали нос наружу и тут же прятались туда, откуда только что пытались выйти.

А вот Соня, почему-то, за день успела посетить сразу несколько мест. И все находились сравнительно далеко друг от друга. Судя по адресам, она навещала своих сокурсниц, – Коренев сразу сверял данные, которые передавал ему наблюдатель.

Около восьми вечера парень доложил, что студентка вернулась домой – в общежитие при медицинском институте. Выглядела она не очень хорошо, но полицейский решил, что всему виной жара.

– Товарищ майор, могу я отправиться домой? – даже по голосу было слышно, что Семакин измотан.

– Времени тебе до десяти вечера. После этого двери общежития закрываются. Подойди к консьержке и убедись, что вернулась именно Иваниченко и ты ничего не перепутал. Только потише там давай, без лишних телодвижений. И значком не свети, понял?

– Так точно, Александр Евгеньевич. Доложу в 10 как обстоят дела, – сказал Семакин и отключился.

А Коренев устало откинулся в кресле и посмотрел на карту на стене. А потом встал, взял со стола горсть булавок с цветными шляпками и стал втыкать в испещренное разноцветными линиями полотно – по одной на каждый труп. Системы не было никакой. Все адреса были разбросаны по участку абсолютно хаотично.

– Возможно, стоит проверить другие участки... – прошептал он себе под нос и решительно направился в кабинет к начальнику.

Начальник охотно согласился передать все подобные дела под его ответственность – Коренев был у руководства на хорошем счету, да и глупым не слыл, чего нельзя было сказать о доброй половине его сослуживцев.

«Вот поэтому ты никогда не найдешь себе жену» – сказал майору начальник, когда тот выходил из его кабинета.

«Есть у меня жена, – пробурчал тогда Коренев сам себе под нос, – моя работа... я женат на работе» – и сам же поежился от столь верной формулировки.

Семакин отзвонился как положено и Коренев отправил его домой. Да и ему самому не помешал бы отдых, но майору всё еще не давала покоя карта. На ней добавилось ещё с десятков красных точек.

Даже самые матерые маньяки имели свои пристрастия: пожилые богачи, худые, толстые, молодые, убивали рядом со своим районом или в соседнем парке. А тут единственным сходством был возраст убитых и insult, да и из квартир ничего не пропадало, хотя степень зажиточности была совершенно разной. При осмотре места преступления не было отмечено ни явных признаков борьбы, ни следов присутствия постороннего на месте преступления, ни вывернутых наизнанку шкафов. Даже деньги и драгоценности в паре случаев оставались лежать на видных местах – вору точно заметили бы. Настолько хаотичных убийств Кореневу расследовать ещё не доводилось.

– Ну не верю я, что их убили собственные глюки! – Коренев швырнул в стену чашку с недопитым кофе и та разлетелась на несколько кусочков.

– Александр Евгеньевич, с вами всё в порядке? – дверь приоткрылась и в кабинет заглянула Инна.

– Почему ты еще на работе? В участке еще кто-нибудь есть? – майор оценивающе оглядел тонкую фигурку секретарши и отвернулся, подивившись свои мыслям.

– Уборщица, в соседнем крыле в окнах горит свет, – Инна пожала плечами, – не знаю, может ещё кто-то.

– Вы не хотите помочь мне?

Девушка зашла в кабинет и прикрыла за собой дверь, защелкнув замок изнутри:

– Какого рода помощь вам нужна, Александр Евгеньевич?

После этой фразы Коренев уже мало что соображал. Даже хроническая усталость на этот раз не смогла ему помешать.

Мужчина медленно подошел к девушке и, щелкнув выключателем за её спиной, впился губами в её пухлые губки. Руки скользили по высокой груди, пытаясь нащупать молнию на блузе. Инна неожиданно навалилась на Александра всем телом, толкая его в сторону стола, на ходу расстегивая пуговицы его голубой форменной рубашки. Блуза через несколько секунд уже лежала на полу, обнажив округлую грудь, туго стянутую черным кружевным бельём. Она некоторое время постояла так, давая мужчине полюбоваться своим телом, которое освещал лишь свет дворовых фонарей сквозь жалюзи, и в следующую секунду их тела слились в приступе какой-то дикой, животной страсти. Он повалил её прямо на пол, срывая остатки одежды, впиваясь в разгорячённую плоть с диким неистовством, оставляя синяки и кровоподтеки.

Она стонала, извивалась в его объятиях, но отвечала со всей страстностью, на которую была способна. А он осыпал её лицо и шею поцелуями, двигаясь все быстрее и отрывистее, стараясь проникнуть в неё еще глубже. В последнюю секунду она впилась в его спину ногтями, оставляя глубокие царапины, и оба почувствовали это – словно взрыв, обжигающий их изнутри и разливающийся по всему телу сладким пульсирующим теплом, лишаящий рассудка и последних сил.

После они ещё долго лежали на полу. Она – прильнув к его груди. И он – глядя её мягкие, слегка выющиеся, белокурые локоны.

Домой они попали далеко за полночь.

2

– Здравствуйте, я хотел бы попасть в деканат.

– А вы, собственно, кто? – женщина под сорок сидела в кабинке на входе и проверяла пропуска у всех, кто пытался попасть в здание института. – Я вас не помню. Да и на студента вы не похожи.

Корнев аккуратно достал удостоверение и показал его в окошко. Женщина сразу поменялась в лице и стала бормотать что-то невнятное.

– Я вас прошу, не поднимайте паники. Мне просто нужно поговорить с деканом одного из факультетов. Вы можете мне помочь? – полицейский еще некоторое время помолчал, а потом, так и не дождавшись ответа, сам нажал кнопку открытия турникета. – Благодарю за помощь! – только и смог произнести он, глядя на недоумённое выражение лица охранницы.

Декан заочного факультета медицинской оптики всё-таки была в институте, но Корневу понадобилось почти сорок минут, чтобы её отыскать. Им оказалась уже пожилая женщина – лет пятидесяти на вид, порядком поседевшая, но довольно бодрая.

– Простите! Подождите, пожалуйста! – полицейский остановился в нескольких шагах от обернувшейся на зов женщины. – Меня зовут Александр Евгеньевич, – сказал он, подходя ближе и протягивая руку для приветствия, – не могли бы вы мне уделить несколько минут? – он вытянул уголок удостоверения из нагрудного кармана рубашки, давая понять, что не простой посетитель.

Женщина некоторое время оценивающе рассматривала мужчину, а потом просто кивнула, давая понять, чтобы тот шел за ней.

В кабинете она устало и совсем по-домашнему плюхнулась в кожаное кресло и сняла очки:

– Могу я взглянуть поближе на ваш документ?

– Конечно, – Корнев протянул полицейское удостоверение декану. Та некоторое время внимательно изучала его, а после тяжело вздохнула и заговорила:

– Вы, видимо, по делу Настеньки Захарчук?

– Возможно. Конечно, да. Я по делу Анастасии.

Женщина не заметила его замешательства и продолжила:

– Я Мария Павловна Рябчина, кстати. Здравствуйте.

– Очень приятно. Александр Евгеньевич Корнев, майор полиции.

– Я помню! – небрежно отмахнулась декан. – Так что конкретно вас интересует? – она посмотрела на него измученным взглядом.

– Да, собственно, всё, – Корнев развел руками, – мне только передали её дело и я хотел бы получить информацию из первых рук, так сказать.

– В больнице она сейчас. Врачи сказали, что не могут ей помочь, так как видимых причин её состояния они не находят. По всем показателям – Настя полностью здорова.

– В какой она сейчас клинике? Могу я с ней поговорить?

– Не уверена, что она чем-то будет вам полезна. На Июльских днях она. Практически не реагирует на окружающих. – Мария Павловна вздохнула.

– В деле упоминается, что она находится на лечении, но ничего не сказано о психиатрической больнице, – Корнев удивленно вскинул бровь.

– Ох, это не моя работа, товарищ полицейский. Что-нибудь ещё?

– Да. Не могли бы вы мне объяснить, почему ваши студенты посреди учебного года разъезжают по заграницам? – полицейский пытался уловить хоть что-то для себя в реакции женщины, но та лишь пожала плечами:

– Вы о группе заочников, так?

Майор кивнул.

– То, что они заочники, говорит само за себя. Они вольны выбирать, как посещать занятия. В данном случае все вернулись вовремя, занятия посещали исправно, задания получали тоже. К практике приступили тоже все, кроме Насти, конечно же. Только она не отчиталась и я решила выяснить, что с ней. Я ведь куратор группы, – Мария Павловна вытёрла лоб платком, – за первый день практики не отчиталась только Настя. Кто же знал, что она из-за простого насморка загремит в психушку! Простите. Я немного не в себе, – декан постаралась выровнять голос.

– Ничего страшного. Я понимаю. Еще пара вопросов. Больше ни у кого из ваших подопечных не наблюдается схожих симптомов?

– С Настинными? Нет, что вы! Разве что немного приболели несколько человек. Но это и не мудрено, в такую-то жару все сидят под вентиляторами и кондиционерами, вот и простужаются.

– Не могли бы вы написать их имена? Это может оказаться важным.

Корнев проговорил с женщиной еще около получаса, пытаясь как-то утешить и успокоить, но у самого внутри нарастало странное чувство тревоги.

Всё было слишком туманно. По крайней мере, для него.

– Алло, Сергей, мне нужно, чтобы ты подъехал кое-куда. Не афишируй особо. Да, и прихвати с собой Инну, – Корнев назвал адрес психиатрической клиники города и отключился.

После последней ссоры отношения между ними были не очень. Самойлов молча выслушивал указания, так же молча их выполнял, молча принимал документы на обработку и так же абсолютно молча уходил вечером,

Хотя это не особо волновало Корневу. Он с головой погрузился в расследование.

– Куда идти? – Самойлов вышел из патрульной машины и закурил.

Инна взяла сумочку с переднего сидения и осталась стоять там же, не понимая, зачем её сюда привезли.

– Собственно, тебе – никуда. Мне нужна была Инна. А ты можешь остаться здесь.

– Хорошо, – Сергей сел обратно в машину и включил рацию.

Корнев вздохнул и, взяв девушку под руку, двинулся к массивным металлическим воротам. Надпись на бетонной арке поверх них гласила «Психиатрическая клиника им. Нифелимова «Июльские дни».

– Я – майор полиции Александр Корнев. У меня назначена встреча! – проговорил полицейский в наружный динамик и ворота стали медленно расходиться в стороны.

Во дворе за деревянными столиками под раскидистыми, измученными жарой ивами, сидели люди – пациенты в белых костюмах и их посетители. Ворота прожужжали и захлопнулись за спинами вошедших.

– Пройдёмте, – перед Инной и Корневым внезапно вырос санитар в белой форме, немногим отличающейся от одежды пациентов, поэтому Инна вздрогнула при его появлении. Женщина за стойкой некоторое время изучающее смотрела на сотрудников полиции, потом скрупулёзно записала данные их паспортов, после чего кому-то позвонила и попросила подождать в холле, указав на ряд жестких сидений у стены.

Через полчаса к ним подошла худенькая женщина и попросила пройти за ней.

В довольно просторном кабинете их уже ждали.

– Здравствуйте, простите за задержку. У меня был сеанс с одним из моих подопечных. Присаживайтесь.

Инна посмотрела на майора, когда тот заговорил:

– Мы хотели бы поговорить с одной из ваших пациенток. Она поступила недавно. Студентка-заочница Анастасия Захарчук.

Доктор некоторое время смотрел на пришедших:

– Она не особо контактна. Не реагирует на разговоры, просьбы, даже лекарства не возымели никакого эффекта. Не думаю, что вы сможете чего-то от него добиться. Могу я посмотреть на ваши документы?

Коренев молча протянул удостоверение доктору.

– А ваши? – врач посмотрел на Инну и та замялась.

– Она – моя секретарша, – сказал Коренев, – собственно, я взял её, потому что решил, что с девушкой лучше поговорить девушке. Ну, вы понимаете.

Врач кивнул, но паспорт из рук Инны всё же взял.

– Хорошо, пройдемте со мной, только придется всё колющее, режущее, а тем более стреляющее сдать, если таковое имеется. И, милочка, – доктор указал пальцем на Инну, – волосы лучше бы собрать. Нам придется пройти через несколько коридоров.

Коренев взял девушку за руку, а та нервно сглотнула.

Перед группой людей распахнулись автоматические металлические двери с окном, скрытым за металлической сеткой. Позади Коренева и Инны шли ещё несколько санитаров.

Перед взором людей предстал длинный коридор, по одну сторону которого шли двери, ведущие, по всей видимости, в палаты пациентов. Противоположную стену образовывало длинное окно, закрытое с обеих сторон всё той же металлической мелкоячеистой сеткой.

– Это – комната отдыха. Тут пациенты могут пообщаться и отдохнуть, когда им нужно.

– А разве вы позволяете ненорм... – Инна осеклась, – тем, кто тут лечится, свободно разгуливать по коридорам?

Доктор добродушно улыбнулся:

– Они не все «больны» настолько, чтобы причинить вред себе или окружающим.

Но Инна уже его не слушала: за стеклом творился хаос. Несколько санитаров, дежуривших в комнате отдыха, разнимали группу сцепившихся не то мужчин не то женщин. Стоял непонятный шум, десятки голосов сливались в один непрекращающийся гул.

– Случаются казусы, – пожал плечами главврач.

Уже практически в конце коридора перед самым носом Коренева распахнулась дверь, отсекая его и Инну от идущего перед ними доктора, и из комнаты отдыха выскочила миловидная девчужка-подросток и стала быстро-быстро что-то щебетать, а потом заметила белокурую девушку, прячущуюся за спину рослого мужчины.

– О-о-о, какие прекрасные волосы! – пациентка проворно юркнула под руку к Кореневу и, вплотную приблизившись к Инне, схватила ту за волосы. – Какие красивые во-о-олосы-ы!!! – подросток потянула локоны на себя даже не собираясь отпустить, не смотря на крики Инны.

– Пусти! Саша! Помогите! Доктор!

Но санитары, шедшие немного поодаль от главврача и гостей, уже подросли и аккуратно освободили Инну от визжащей и брыкающейся теперь пациентки.

– Весьма неоднозначный случай трихотилломании, – затараторил подскочивший к Инне доктор, – поначалу она рвала волосы только на себе, теперь же пытается это сделать у любого, кто обладает завидной шевелюрой, – мужчина пытался помочь испугавшейся девушке пригладить взъерошенные волосы, но та отстранилась, прижавшись к Кореневу.

– Доктор, мы здесь не для изучения расстройств ваших пациенток. Нас интересует конкретная особа, – пробасил полицейский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.